

ЧЕЛОВЕК, построивший коммунизм

*Олег Ласуков, старший комиссар педагогического отряда «Зелёный гусь»
Воронежского государственного педагогического университета*

Когда звенят по стране «последние звонки», перед родителями всё острее встаёт вопрос: «Куда б сослать любимое чадо?». Бабушек в деревнях давно уже нет (подевались куда-то в 90-е), поэтому выход один — в лагерь. Богатые папеньки отправляют кровиночек в лагеря заграничные, Турция, Италия, Венгрия... На самом деле это никакие не лагеря. Просто арендуются маленькие отели полностью или большие целиком. И там детишки под присмотром кого-нибудь (рука не поднимается назвать их вожатыми) целый день киснут в бассейне и мучительно думают: «Куда бы потратить вечером сотню-другую долларов карманных денег?» Будьте уверены — найдут, возможностей много. Отношения владельцев лагеря к детским «шалостям» очень либеральные. Ребята, поработавшие в Турции, рассказали, что однажды нашли в 2 часа ночи на пляже трёх вусмерть пьяных 14-летних оболтусов. Написали докладную. Оболтусов мягко пожурили... и всё.

Но это пусть богатые плачут. Среднестатистический гражданин ищет путёвки подешевле, т.е. в лагерь отечественные.

В мае очень оживляются разные педагогические отряды. Они активно посещают вожатскую учёбу, в течение которой разучивают игру

«Сантики-фантики, лимпомпо», танец «Утята» и песню «Кусочек сердца отдавать кому-то». Все эти знания не пригодятся никак, потому что дети скажут: «Мы уже не дети в эти игры играть». И действительно, играть они будут в другие игры.

Все педотряды делятся на три категории: «южные», «средние» и приверженцы Иванова.

Педотряды «южные» работают в лагерях у моря. Работа это совершенно непыльная. До вечера детей «пасут» на пляже, который те начинают ненавидеть уже на третий день. После ужина — одно вечернее мероприятие. Каждый отряд силами двух-трёх активистов готовит выступление на заданную тему, а потом на сцену выходят вожатые и звездятся. В южных педотрядах тусуются много КВНщиков и прочих активистов худсамодеятельности, которые с жадностью бросаются на халявного, благодарного зрителя. С наступлением темноты начинается то, ради чего приехали — дискотека. Попробуйте заикнуться о том, чтобы отменить хотя бы одну... не дай бог увидеть вам детский бунт, не всегда бессмысленный, но всегда беспощадный... Во время дискотеки танцуют малыши и треть старших. Чем заняты остальные — неведомо, но приезжают дети из южных лагерей страшно довольные и сильно повзрослевшие.

В лагерь «средние» попадают те, кто упустил момент или по обязательной педпрактике. В лагерях средней полосы

всё то же самое, но без моря. Дети в сомнамбулическом состоянии таскаются от корпусов к питьевым фонтанчикам. Лениво тренькают бадминтонные ракетки. Пара вожатых, раскинув телеса, загорает на беседке, уверенные, что имеют полное право на отдых, потому что по расписанию сейчас в лагере работа кружков. Макраме, выжигание... на которые «эти уроды всё равно не ходят». После ужина — какое-нибудь мероприятие типа «В гостях у сказки», «Ночной дозор», «Два корабля»... Потом девочки красятся и — дискотека. Наконец отбой... и «праздник вожатского жизнелюбия, дополнительное образование для особо одарённых школьников...» (В.Ланцберг)

Было бы удивительно, если бы среди этого океана лени и пошлости не появлялись бы островки сопротивления.

Что же это за педотряды, которые называют себя последователями методики Иванова?

Кто же такой Иванов? Нет, не знаменитый врачеватель, который круглый год ходил в трусах, а Игорь Петрович Иванов — педагог, некогда перевернувший в стране лагерную действительность. Расскажем о нём, этот человек того стоит.

А началось всё в разгар «хрущёвской оттепели». Молодой доцент ленинградского Педагогического института им. А.И. Герцена Иванов собирает у себя на квартире таких же, как и он, молодых энтузиастов педагогики... Пионервожатые, учителя с одной пачкой пельменей на десятых сидят прямо на полу, чай, чай, чай и разговоры, разговоры до утра. Деятельность забюрократизированной пионерии и зарегулированного комсомола их никак не устраивает. Пионерские лагеря наводят на них тоску, но что предложить взамен? Читают Ушинского, Макаренко, Шацкого, (пробовали Крупскую, но не пошло), спорят, не переходя на личности... Этот кружок называется у них «Союзом энтузиастов».

И вот однажды Игорь Петрович просит всех собраться не у себя на квартирке, а в Доме пионеров Фрунзенского района, в кабинете методиста Фаины Шапиро. (Фаина и Игорь в ту пору нежно любили друг друга, но это пока к делу не относится).

Такое разное ВОСПИТАНИЕ

Когда чай был разлит, Иванов обратился к соратникам с речью:

«Друзья-единомышленники! У меня к вам вопрос: «Что такое «воспитывать»?»

«Учить детей лучшей жизни», — ласково сказала Шапиро.

«Мы много о чём спорили, но в одном все согласны: педагог должен вести ребёнка к лучшей жизни. Это понятно, но как вести-то?»

«Рассказывая им о ней», — предположил кто-то.

«Вот-вот, мы постоянно *рассказываем* детям о лучшей жизни, а они её в глаза не видели. Мы говорим о подвигах, а дети их не совершали. Мы толкуем о бескорыстии, а многие ребята ни разу ничем не поступились. Мы разглагольствуем о дружбе и даже (да простит нас партия) о любви, а они уверены, что всё это выдумки писателей. Дети рапортуют на линейках и пишут в сочинениях о том, что не знают, не чувствуют, не пробовали, не испытывали...» (С.Соловейчик)

«Верно говоришь, Петрович, — загалдели энтузиасты, — но делать-то что?»

«А не *рассказывать* детям о лучшей жизни, а *показывать* её, не требования предъявлять, а окунуть их в эту самую жизнь. Пусть ребята на своих юных телах испытают, что доброта и чуткость, товарищество и взаимовыручка, любовь и нежность существуют на самом деле, а не в журнале «Пионер». Пусть уже сейчас поживут той жизнью, которой будет жить вся наша страна после 1980 года, когда мы построим коммунизм согласно указаниям Никиты Сергеевича...»

И далее Иванов изложил собравшимся свой план. Нужно организовать для пионеров Фрунзенского района летний лагерь труда и отдыха, т.е. «лагерный сбор». С колхозом договорились, деньги

уже дают. И провести этот сбор по совершенно невиданной план-сетке. Четыре часа в день ребята работают в поле. Но не просто уныло таяя по свёкле, а творчески. Что значит творчески? Перед каждым выходом создаётся Совет дела. Он придумывает и готовит несколько сопутствующих процессу таяния мероприятий: весёлые линейки с прикольными рапортами, конкурс стенгазет «Свёкла на марше», выставка композиций из тяпок, концерт-ромашка «На грядках» и т.д. И вообще, главным девизом нашего лагерного сбора будет девиз: «Всё — творчески, иначе — зачем?».

После работы в поле ребята, умывшись и поевши, что будут делать? Отдыхать? Фиг два вы угадали. Дальше у нас пойдут «мероприятия». Чтобы дети не начали сразу зевать, заменим это страшное слово аббревиатурой — КТД, то есть Коллективное Творческое Дело.

И будет у нас этих самых КТД пять-шесть штук... в день.

«Энтузиасты» поперхнулись чаем. Не ослышались ли они? Не за всю СМЕНУ, как в нормальных лагерях, а именно В ДЕНЬ? Иванов, ну скажи, что ты пошутил.

Игорь Петрович не пошутил. Отсутствие у детей на сборе свободного времени, насыщение каждого дня творческими событиями — это и была его главная идея. Придумав, подготовив и проведя одно КТД, ребята тут же, без паузы, организуют Совет дела и начинают придумывать следующее. «Суд над песней» сменяется «Конкурсом ораторов», который переходит в «Языковую тревогу», а та плавно перетекает в военную игру «Взятие базы» и всё венчает Вечернее дело — «Час поэзии». А можно весь день сделать как «День Греции», например...

Когда же тьма, пришедшая из-за леса, скроет обожаемый детками лагерь, то тут-то уж... Нет, и ещё раз нет! Не будет у нас «кина» и «танцулек». После Вечернего дела дети

отправляются на отрядные «огоньки». «Огонёк» — ещё одно великое изобретение Иванова, которое трудно переоценить.

За день ребята очень устали, физически и эмоционально. Событий и впечатлений было столько, что требуется остановиться и осмыслить пережитое. Обговорить и оценить каждое дело крайне необходимо, ибо без этого, по мнению Иванова, любое воспитательное мероприятие не имеет никакого педагогического эффекта, а следовательно — бессмысленно.

Дежурные разжигают костры, к которым медленно подтягиваются ребята. Тихо поют под гитару (разучивание двух-трёх песен в день — священная обязанность каждого отряда), пока не подойдёт последний. После чего вожатый (старший друг по Иванову) начинает разговор. Он напоминает прошедшие за день дела и предлагает мальчишкам и девчонкам оценить каждое, ответив на три вопроса:

- ✓ Что было сегодня хорошо?
- ✓ Что было плохо?
- ✓ Как будем жить завтра, чтобы было только хорошо?

«День, не закончившийся «огоньком», пуст, никчёмный и прожит зря», — закончил свою речь Иванов.

Ну, понятно, что пошли толки, споры и сомнения. Но идея завораживала своей свежестью, рискованностью и даже авантюризмом. Так или иначе, первая сотня пионеров была в лагерь вывезена и сбор проведён.

История умалчивает, какова была начальная реакция ребят на этот невиданный темп, совершенно неясно, как решалась задача «первичного принуждения» в первые дни сбора. Но доподлинно известно, что где-то через неделю председатель колхоза, потрясённый невиданной доселе производительностью труда юных свекловодов, приехал в лагерь... и остолбенел от представшего перед ним зрелища. «Навстречу ему бесшумным призраком

скользнул отряд индейцев. Из ельника вышли несколько королей и королев в бумажных мантиях. «Вы к нам в лагерь?» — спросила королева. — Тогда я знаю, вы будете жить в... Париже». (С.Соловейчик)

За деревьями показались палатки... и запестрило в глазах: Сотня мальчишек и девчонок в самых невероятных костюмах из бумаги носились в разных направлениях со своими сверхсрочными делами — красили, строили, репетировали, жгли костры, варили борщи и каши, спорили, орали, командовали... Детские улыбки ослепили председателя количеством и яркостью. Тут-то он и задал Игорю Петровичу вопрос, который потом долгие годы сопровождал все ивановские сборы: «Где вы таких детей набрали?»

Популяризатор идей Иванова писатель Симон Соловейчик (самому Иванову бог отказал в литературном таланте, писал он скучнейшие статьи и диссертации) в своих книгах намекал, что де ребята были взяты прямо с улицы. Это, конечно, неправда. Первые участники сбора были пионерским активом, т.е. послушными и дисциплинированными. Но верно и то, что потом методика лагерных сборов (её скоро стали называть «коммунарской») справлялась с ребячьим контингентом любой сложности, и вопрос «Где вы таких детей набрали?» стал вечным фоном всех коммунарских мероприятий. Иногда к этому вопросу добавлялся возглас: «Так вот ты какое, коммунистическое воспитание!».

После сбора дети, естественно, не хотели расставаться и стали собираться в своём Доме пионеров чуть ли не ежедневно, чтобы продолжать жить коммунарской жизнью. Так и появилось легендарное сообщество детей и взрослых, которое получило название «Фрунзенская коммуна». Коммунары благоустраивали улицы родного города, помогали ветеранам, работали на фабриках, неустанно занимались творчеством, а на каникулах — сборы, сборы, сборы! Всем руководил Совет коммуны, но сердцем и мозгом её был, конечно, Игорь Петрович. Сказать, что его обожали — значит промолчать. В школах писались сочинения «Лучший человек, которого я знаю» — о нём, об Иванове...

Коммуна жила по жёстким законам, но эти законы никто никогда не писал и даже не обго-

Такое разное ВОСПИТАНИЕ

варивал. Кто-то в Интернете недавно рассказал про «Правила поведения» в одной американской школе. Целых 50 страниц — решительно Уголовный кодекс. Если один ученик избивает другого ученика — наказание, если ученика избивают трое — страшное наказание. Абсолютно всё предусмотрено...

У фрунзенцев же существовала масса неписаных правил. Правил, которые были внутренними для коммуны и внутренними же для каждого человека в коммуне. Не было необходимости спрашивать: а что будет, если он их нарушит? А он их не нарушит никогда. Вот если спросить: а что будет, если он нарушит? Все замолчат в недоумении — неизвестно. Примеров нет.

Слух о коммуне пошёл по всей Руси великой и её братским республикам. Писатель Соловейчик в разделе «Алый парус» газеты «Комсомольская правда» усиленно этот опыт пропагандировал (никто тогда не знал слово «пиарить»). В Ленинград потянулись гости и, набравшись впечатлений, стали проводить такие же сборы у себя. И всегда получалось! Известен случай, когда один десятиклассник самостоятельно провёл на осенних каникулах сбор в своей школе совершенно без никаких старших друзей. После каникул учителя, возвращаясь с урока, приятно недоумевали: «Что это? Захожу в класс, а мне улыбаются...»

Лагеря, работавшие по методике Иванова, непрестанно поражали как взрослых, так и детей. Письмо 13-летнего парнишки: «... я намочил в реке трусы и ждал, что надо мной все будут смеяться. Но первый же повстречавшийся мальчик сказал: «Ты что? Трусы намочил? На — мои...»

В 60-х годах коммунары приехали в «Орлёнок», и вскоре этот всероссийский лагерь стал центром пропаганды и распространения этого опыта. Старики

помнят *тот* «Орлёнок», энтузиазм, творческий накал, песни и разговоры, светлые лица... Коммунарство зашагало по стране — сотни клубов от Калининграда до Владивостока...

Итак, в стране возникло здоровое, духовное, поражающее своими результатами явление. Государству бы радоваться и не мешать. Ведь вот же они, самые настоящие пионеры и комсомольцы! Не этого ли ты, о дорогая партия, требовала от советских педагогов? Чтоб росли строители коммунизма, беззаветно преданные идеалам? Ан, нет...

Менялись в стране начальники, комсомольские чиновники не могли смириться с существованием того, чего они не возглавляют. Открыто придрасться было невозможно — верность коммунистическим идеалам была налицо: ленинские уроки, дорогой Леонид Ильич, пролетарский интернационализм, трудовое бескорыстие... Душить стали потихоньку. То одного педагога уволят «за развал воспитательной работы», то другого... Обкомы и райкомы стали в изобилии проводить выездную учёбу пионерского и комсомольского актива, заимствуя у коммунарства все творческие находки. Ветераны воронежского комсомола помнят вечное противостояние областной «Искры» и городской «Эврики». «Орлятские» круги и «орлятские» песни, речёвка «День отшумел», законы «ноль-ноль» и «поднятой руки». И ходили по «Эврике» важные активисты, поучая: «А вот у нас на «Искре...»

Но жизнь вне комсомола ещё теплилась, например в палаточные лагеря проверяющим было пробираться просто лень. В самом «Орлёнке», искорёженная и стерилизованная умудрялась работать методика, дети уезжали плача... То в Свердловске писатель В.Крапивин создаст отряд «Каравелла», то в Москве образуется объединение «Дорога», то вообще десятиклассник Эдик Герасимович создаст в Минске «Клуб коммунарков», про который райком думает, что его разрешил обком, а обкому намекают, что это аж ЦК Белоруссии — клуб же был сам по себе. Здание, построенное Ивановым, оказалось настолько прочным, что как ни била по нему

административно-командная система, но так и не разбила...

Но всё само собой рухнуло в лихие 90-е. Тот же «Орлёнок» заполнили странные люди. Они навезли дикое количество масскультурного дермеца и потребовали освободить для него место. Ненавязчиво было дано понять, что отныне в стране и в педагогике есть только один идеал — бабло.

А что же Иванов и «Фрунзенская коммуна»? Через несколько лет Игорь Петрович коммуны покинул. Почему? Соловейчик пишет об этом полуправду, но очевидцы единодушно называют две причины.

Во-первых, как-то так незаметно в коммуны осело большое количество взрослых, т.е. старших друзей, которым в ней было хорошо и комфортно. Дяди и тётки даже создали неуставной орган — ревком, в котором гоняли чай и выпускали постановления. В то же время позади коммуны всё слышнее стал слышен ропот школ: «Забрали у нас весь актив, обезглавили школы, уж, коль вы такие эффективные, приходите к нам и работайте». Эти упрёки были абсолютно справедливы, и однажды Иванов доложил ревкому новый план, согласно которому всем им предстояло поднять свои попы, отправится в школы и создавать там коммуны-спутники. Пора переносить опыт на всех. Но кому понравиться перспектива «поднять и работать», когда и так хорошо. Естественно в плане Иванова было найдено критическое количество недостатков.

Во-вторых, особенно яростно нападали на план Фаина Шапиро, к которой Игорь Петрович к тому времени начал испытывать исключительно дружеские чувства, переключив всю нежность на другую женщину.

Словом две вечные ипостаси — «борьба за власть» и «шерше ля фам».

Ревком возражал, Иванов настаивал. Что было делать? Создатель покинул своё детище.

Злые языки называют и третью причину ухода. Как-то так незаметно получилось, что

две трети членов ревкома стали составлять люди... как бы это по-политкорректней выразится... с таким же профилем, что и у Фаины Шапиро. Иванов хоть и был пролетарским интернационалистом, но с внутренним чувством совладать не смог. Разрыв состоялся.

Но вскоре выяснилось, что уход основателя обозначил его самую главную победу. Нет, никто к нему на коленях не приполз, умоляя вернуться. Напротив, авторы сочинений «Лучший человек» просили эти сочинения не публиковать, все как один объясняя это тем, что «Я больше не люблю Игоря Петровича». Но коммуна продолжала жить всё также ярко, беспокойно, творчески, всё отчётливее понимая, что Иванов действительно прав. Вскорости жизнь-таки заставила её и ревком разогнать, и создать коммуны-спутники. Ещё несколько лет вокруг Дома пионеров Фрунзенского района всё кипело и вертелось, вплоть до наступления эпохи развитого «застоя». Организм оказался жизнеспособным и без своего создателя.

Далее была «Коммуна имени Макаренко» (КИМ), созданная из студентов Игоря Петровича, её жизнь была не менее интересной, но малоизвестной, ибо Соловейчик Иванова уже ненавидел, хотя стал известным писателем исключительно благодаря Иванову. Описать жизнь КИМа было уже некому, и потому она во мраке.

Умирал Игорь Петрович, разбитый параличом, долго и мучительно. Покинутый всеми, кроме одной женщины, которая самоотверженно за ним ухаживала. Но после его кончины весь архив Иванова исчез вместе с ней.

Ныне в Воронеже около десятка педагогических отрядов (объединение «Искра», напри-

Такое разное ВОСПИТАНИЕ

мер), которые знают и чтят имя великого педагога. Отрадно видеть, что они правильно ориентируются в нашем времени, и их девиз: «С Ивановым вперёд, а не назад к Иванову». Каждый район проводит сборы старшеклассников, на которых отсутствует свободное время, поются «орлятские» песни, а каждый день заканчивается «огоньком», который, увы, теперь часто называют почему-то словом «свечка». Студенты педагогического университета каждую осень возвращаются со сбора «Зелёный гусь» ошарашенными и в полном восхищении, всё больше на него приезжают гостей из других городов. Санкт-Петербургский институт педагогики имени И.П. Иванова ежегодно проводит вожатские слёты «Дорогу весне», куда съезжаются педотряды, приверженцы его методики из самых разных уголков страны — какая там стоит атмосфера!.. Однако имя Игоря Петровича на этом слёте звучит абстрактно, и мало кто из участников (соврал я — никто из участников) объяснит, в чём его методика.

Так хочется верить, что гитары этих ребят не заглушит грохот дискотек, что среди всеобщей лени и дури будут лагеря настоящие, живые, способные совершать переворот в детских душах.

Потом придут новые педагоги и вожатые, с новыми технологиями и знаниями. Но пусть в сердце своём хранят они память о подлинно великом друге детей — Игоре Петровиче Иванове... **В.Ш**